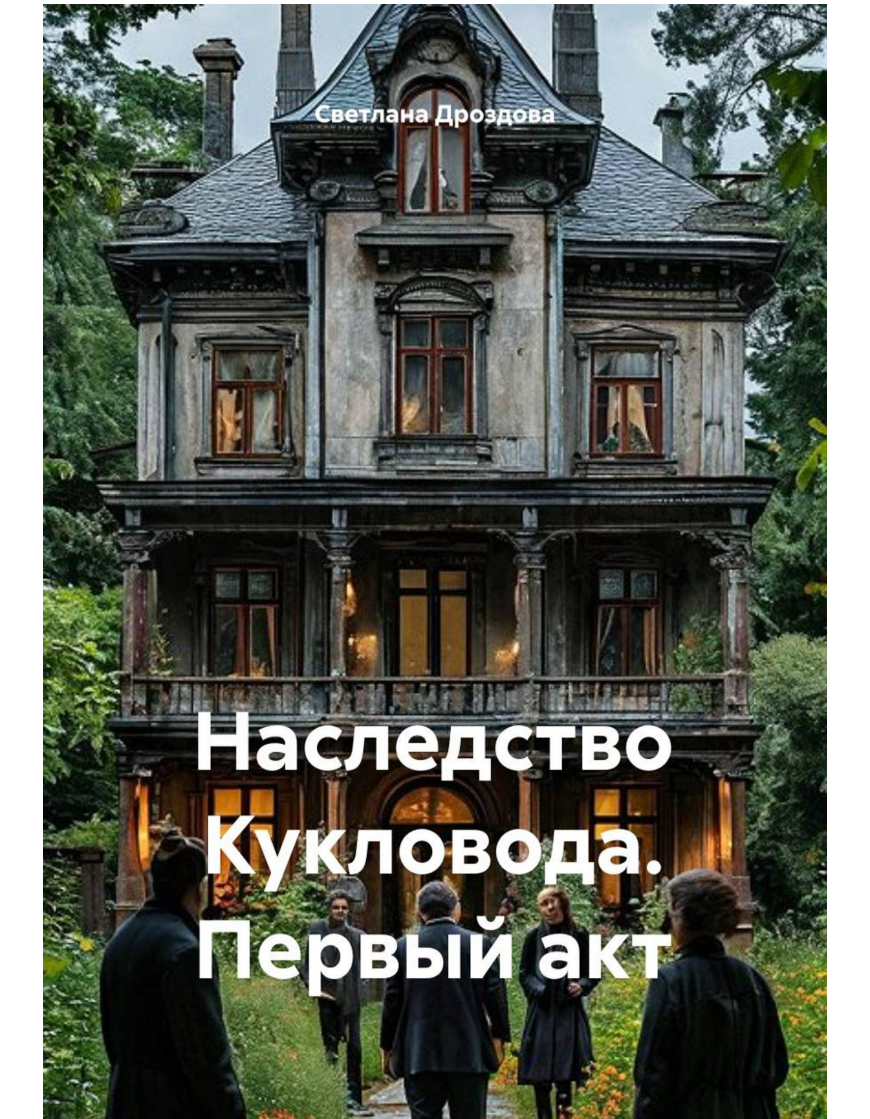

Светлана Дроздова

Наследство Кукловода. Первый акт

Светлана Дроздова

Наследство Кукловода.

Первый акт

<https://litres.ru/74369433>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом психологическом триллере группа бывших коллег по театру оказывается запертой в загородном особняке безумного режиссёра Игната Крестовского. Семь человек, каждый со своей тайной и болью, должны выжить семьдесят два часа в доме-ловушке, где реальность смешивается со сценической иллюзией. Когда начинают умирать первые жертвы, оставшиеся понимают: убийца среди них, а весь особняк — это гигантская декорация к финальному спектаклю Крестовского. Поиск выхода превращается в расследование, где каждая улика ведёт к новому трупу, а подозрение падает на каждого. В центре сюжета — Маргарита Зорина, бывшая прима, вынужденная стать лидером в этом аду. Она должна не только найти убийцу, но и разгадать замысел режиссёра, который использует забытые пьесы мертвого драматурга Ланского как сценарий для убийств. Роман наполнен атмосферой готического детектива, театральных отсылок и философских размышлений о природе искусства, масках, которые мы носим, и цене правды.

Светлана Дроздова

Наследство Кукловода.

Первый акт

Глава 13. Декорация: Утро и Шепот

Часть I. Анатомия пробуждения

Смерть пришла не с громом и не с молнией, не с театральным хлопком и не с эффектным появлением призрака. Она пришла с криком. Пронзительным, истерическим, раздирающим горло звуком, который не был похож ни на человеческий голос, ни на вой зверя, ни на скрип старого дерева. Это был звук чистого, первобытного ужаса, вырвавшийся из груди Елены Соболевой и разнесшийся по библиотеке, как взрывная волна. Он ударил в стены, отразился от высоких потолков, врезался в уши спящих и заставил их подскочить, словно от удара током.

Маргарита Зорина вскочила с дивана, на котором провела последние несколько часов в тревожной, поверхностной дреме. Её сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, а в голове, разгоняя остатки сна, пронеслась единственная мысль: "Это конец. Он пришёл за нами". Она не знала, что

имеет в виду под этим «он» — Крестовский, смерть или собственное отчаяние. Но она знала точно: случилось что-то непоправимое.

Виктор Штольц, дежуривший рядом с ней, уже стоял на ногах. Его лицо, осунувшееся и бледное в красном полумраке, было сосредоточенным. Он сжимал в руке свой фонарик, и луч света метался по комнате, выхватывая из темноты искажённые лица, тени, мебель. Остальные просыпались так же резко — Аркадий Вершинин пытался подняться с пола, хватаясь за спинку стула, его глаза были мутными со сна и алкоголя, а рука инстинктивно потянулась к пустой фляжке. Илья Брик... Илья не двигался. Он лежал на том месте, где устроился на ночлег — у дальнего стеллажа с драматургией, рядом с рядом старых, пыльных томов. Он даже не пошевелился.

Елена стояла над ним, прижав руки к лицу. Её крик затих, но плечи всё ещё вздрагивали от рыданий. Она смотрела на Илью так, как смотрят на что-то, что невозможно осознать, что не должно существовать в реальности. Глаза её были широко раскрыты, зрачки расширены, и в них не было ничего, кроме чистого, животного ужаса.

— Он... — прошептала Елена, и голос её был хриплым, как у человека, который долго кричал. — Он... не дышит.

Он не дышит, Маргарита. Он не... он не двигается.

Маргарита почувствовала, как внутри неё всё сжалось в ледяной комок. Она сделала шаг к телу Ильи, но ноги её казались ватными, каждая мышца отказывалась подчиняться. Она смотрела на него — неподвижного, скрюченного, лежащего на боку. Его поза была неестественной, словно он застыл в конвульсии. Руки были сжаты в кулаки, одна из них прижималась к груди. Голова была откинута назад, и Маргарита видела его лицо — серое, с синевой на губах, с застывшим выражением непередаваемого ужаса и боли.

— Нет, — выдохнула она, опускаясь на колени рядом с телом. Она протянула руку, коснулась его щеки. Кожа была ледяной. Не просто холодной — мёртвой. Той особенной, восковой, безжизненной холодностью, которую она чувствовала всего один раз в жизни, когда умерла её бабушка. — Нет. Нет, Илья. Нет.

Она приложила пальцы к его шее, пытаясь нащупать пульс. Пальцы дрожали, и она не могла понять, чувствует ли она собственное сердцебиение или пытается уловить чужое. Но там было только молчание. Только тишина. Только ледяная, окончательная пустота, которая вытеснила из его тела всё тепло, все мысли, всю жизнь.

— Он мёртв, — сказала Маргарита, поднимая глаза на остальных. Голос её дрогнул, но не сорвался. Она должна была быть сильной. Она должна была быть их лидером. Но внутри неё всё рушилось, как карточный домик, и она не знала, как удержать его от падения. — Илья мёртв.

Аркадий, который стоял в нескольких шагах от них, вцепившись в стул, вдруг издал звук, похожий на смех. Это был истерический, сдавленный хохот, в котором не было ни капли веселья.

— Ну вот, — сказал он, и голос его срывался на фальцет. — Ну вот и началось. Он сказал, что мы будем умирать. И мы начали умирать. Отлично. Просто отлично. Я знал, что этим кончится. Я всё это знал.

— Замолчи, Аркадий, — резко сказала Софья Райх. Она стояла на своём месте, у стеллажа, и смотрела на тело с холодным, изучающим интересом. Её лицо было бледным, но спокойным, почти бесстрастным, как у скульптора, рассматривающего свою работу. — Ты только нагнетаешь панику.

— А что мне делать? — взорвался Аркадий, и в его голосе слышались стальные нотки. — Он мёртв, Софья! Он мёртв, а мы заперты здесь, с этим... — он кивнул на Крестовского, который сидел в кресле, прикованный наручни-

ками, и наблюдал за происходящим с выражением холодно-го, почти удовлетворённого любопытства. — Мы заперты с этим монстром, и он убивает нас по одному. И ты предлагаешь мне просто молчать?

— Я предлагаю тебе не вести себя как истеричка, — парировала Софья, и её голос был режущим, как скальпель. — Мы должны осмотреть тело. Мы должны понять, что с ним случилось. А не тратить силы на пустые крики.

Маргарита слушала их спор, но слова долетали до неё будто сквозь толщу воды. Она всё ещё стояла на коленях рядом с телом Ильи, чувствуя, как холод поднимается от каменного пола, проникает сквозь ткань брюк, сквозь кожу, в самую глубину её существа. Она смотрела на его лицо, застывшее, неподвижное, и не могла поверить, что этот человек, который всего несколько часов назад говорил с ней, спорил, боялся, надеялся, — теперь лежит здесь, как сломанная кукла, как декорация к чужому спектаклю.

— Помогите мне, — сказала она, обращаясь к Виктору, который стоял рядом. — Помогите мне перевернуть его. Я должна проверить... я должна убедиться.

Виктор опустился на колени рядом с ней. Его лицо было серьёзным, но не испуганным. Он видел смерть раньше — он

видел её в своих макетах, в своих декорациях, в своём творчестве. Но видеть её здесь, в реальности, было совсем другим. Он протянул руки, и они вместе аккуратно перевернули тело Ильи на спину. Оно было твёрдым, одеревеневшим — трупное окоченение уже начало свой неумолимый процесс. Маргарита прижала руку к его груди, чтобы услышать сердцебиение, но там было только молчание. Только ледяная, окончательная тишина, которая вытеснила из его тела всё живое.

— Он мёртв уже несколько часов, — сказала Софья, подходя ближе и наклоняясь над телом. Она не касалась его руками, но смотрела с профессиональным, почти медицинским вниманием. — Посмотрите на его руки. Они синюшные. И на губах — пена с желтоватым оттенком.

— И что это значит? — спросила Елена, и голос её дрожал.

— Это значит, что он был отравлен, — сказала Софья, и слова её упали в тишину, как камни в воду. — Это классические признаки отравления. Яд, который поражает нервную систему. Судороги, остановка дыхания. И этот запах...

Она наклонилась ближе, втянула воздух, и её лицо стало ещё более напряжённым.

— Запах горького миндаля, — сказала она. — Это цианид. Цианид, Елена. Кто-то отравил его цианидом.

— Боже мой, — прошептала Елена, закрывая лицо руками. — Боже мой, это невозможно. Кто? Кто мог это сделать?

— Один из нас, — ответил Аркадий, и в его голосе слышалась горькая, злая усмешка. — Он же сказал: наследство получит последний выживший. Наверное, кто-то решил ускорить процесс. Так что, кто из нас убил его, а?

Он обвёл взглядом комнату, и его глаза горели подозрением. Он смотрел на Маргариту, на Виктора, на Софью, на Елену — и в каждом из них он видел потенциального убийцу.

— Прекрати, Аркадий, — сказала Маргарита, и её голос стал твёрже. — Мы не знаем, что произошло. Мы должны разобраться.

— А что тут разбираться? — спросил Аркадий, и в его голосе слышалась сталь. — Он мёртв. Мы заперты. И один из нас — убийца. Всё просто.

Он посмотрел на Крестовского, который сидел в кресле, и

его глаза горели холодным, почти злым огнём. Крестовский улыбался — той самой тонкой, надменной улыбкой, которую Маргарита видела на его лице сотни раз. И она знала, что эта улыбка — насмешка над ними всеми, над их страхами, над их отчаянием, над их смертью.

— Ты знаешь, кто это сделал, — сказала Маргарита, подходя к нему. Она не боялась его. В ней не было страха — только злость. Глухая, холодная злость на человека, который продолжал управлять их жизнями даже после того, как они поймали его. — Ты знаешь, кто убил его. Ты всё это спланировал.

Крестовский поднял на неё глаза. В них было спокойствие, почти скука, как у человека, который смотрит на надоевший спектакль.

— Я спланировал этот спектакль, Маргарита, — сказал он, и голос его был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Я создал декорации, я написал сценарий, я распределил роли. Но я не убивал Илью. Я — режиссёр, а не палач. Убийца среди вас. И пока вы будете искать виноватых, вы не найдёте правды.

Маргарита смотрела на него, и внутри неё поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугаю-

щее понимание того, что Крестовский был прав. Они были в ловушке, и единственный способ выбраться — найти правду. Даже если эта правда была страшной.

Часть II. Вторжение диагноза

Софья Райх была единственной, кто сохранял холодное, профессиональное спокойствие. Она стояла над телом Ильи и не чувствовала ни страха, ни отвращения, ни даже жалости. Только аналитический интерес — интерес критика к деталям, к следам, к уликам. Она видела смерть не как трагедию, а как часть сценария. И она должна была разобраться в этом сценарии.

— Я осматрю его, — сказала она, подходя ближе. Она опустилась на колени, отодвинула Маргариту и начала осматривать тело с профессиональной тщательностью. Её пальцы, тонкие и длинные, как у пианистки, касались лица Ильи, приподнимали веки, осматривали шею, руки. Она не боялась прикасаться к мёртвому телу — для неё это было просто объектом исследования, как сцена для рецензии, как книга для анализа.

— Трупное окоченение, — сказала она, не поворачивая головы. — Он умер примерно... три-четыре часа назад. Симптомы отравления цианидом: синюшность губ и ногте-

вых лож, пена у рта, характерный запах. Посмотрите на его глаза — зрачки расширены, это реакция на яд.

— Откуда ты так много знаешь об отравлении? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалось подозрение. — Это профессиональный интерес или ты готовилась?

Софья подняла на него холодные серые глаза.

— Я много лет пишу рецензии на спектакли, Аркадий, — сказала она, и её голос был ледяным. — Иногда я вижу такие постановки, что хочется отравиться. Но я не убийца. Я просто наблюдатель. И как наблюдатель я замечаю детали, которые остальные пропускают.

Она повернулась к телу и продолжила осмотр. Её пальцы нащупали что-то у правой руки Ильи — маленькую, твёрдую книгу, которую он сжимал в руке даже после смерти. Софья осторожно разжала его пальцы — они поддались с трудом, с сухим хрустом, как старые ветки, — и вытащила книгу из его рук.

— Что это? — спросила Маргарита, подходя ближе.

Софья поднесла книгу к свету и прочитала название на обложке. Это был старый, потрёпанный том в кожаной об-

ложке с золотым тиснением. На корешке было выбито одно слово: МОЛЬЕР.

— Это комедия, — сказала Софья, перелистывая страницы. — «Мизантроп». Она раскрыта на финальном монологе Альцеста.

Она прочитала несколько строк вслух, и голос её был сухим, монотонным, как у лектора:

— «И я говорю вам: кто видит ложь и терпит, тот не может жить в мире, где всё — обман. Пусть лучше я буду один в своей пустыне, чем разделю этот всеобщий фарс».

Софья закрыла книгу и перевернула её. На задней обложке лежала маленькая записка — прямоугольник плотной, кремовой бумаги, сложенный вчетверо. Она развернула её, и внутри было написано всего несколько слов — каллиграфическим почерком, аккуратными, выверенными буквами, которые не оставляли сомнений в авторе.

— Прочитай, — сказала Маргарита.

Софья подняла записку и прочитала вслух, и каждое слово падало в тишину библиотеки, как камень в ледяную воду:

— «Он говорил слишком много правды».

На мгновение воцарилась тишина. Затем Аркадий издал звук, похожий на смех, но в нём не было веселья — только истерика.

— Правды? — переспросил он, и его голос дрожал. — О чём он говорил? Он молчал как рыба все эти годы! Он был пустышкой! Что за правду он мог сказать?

— Ты забыл, Аркадий? — спросила Софья, и в её голосе послышалась холодная усмешка. — Ты забыл, что вчера, когда Крестовский говорил с нами из динамиков, он назвал Илью «пустышкой». Он сказал, что его тексты — это «прекрасные декорации без актеров». Он сказал, что он — «пустота». И это была правда. Илья знал это. И он не мог с этим жить.

— Или он сказал что-то ещё, — вмешался Виктор, и его голос был серьёзным. — Что-то, чего мы не слышали. Что-то, что он сказал кому-то из нас лично. Что-то, что могло стать мотивом для убийства.

— Ты думаешь, что кто-то убил его из-за слов? — спросила Елена, и её голос дрожал. — Кто-то убил его из-за того, что он сказал правду?

— Я думаю, что здесь нет случайностей, — сказал Виктор. — Книга «Мизантроп» — это комедия о человеке, который ненавидит лицемерие и говорит правду в лицо. Записка говорит, что он говорил слишком много правды. Возможно, он знал что-то, что должен был скрывать. Возможно, он знал, кто из нас... не тот, кем кажется.

Он посмотрел на Крестовского, который сидел в кресле, наблюдая за ними с холодным, почти скупающим выражением. Маргарита заметила, как на его губах играет тонкая, едва заметная улыбка — улыбка человека, который знает правду, но не спешит её говорить.

— Ты знаешь, — сказала она, подходя к нему. — Ты знаешь, что он сказал. Ты знаешь, кто убил его. И ты молчишь, потому что тебе нравится смотреть, как мы мучаемся.

Крестовский поднял на неё глаза. В них было всё то же спокойствие — холодное, ледяное спокойствие, которое она ненавидела больше всего.

— Я режиссёр, Маргарита, — сказал он, и голос его был тихим, но в нём слышалась сталь. — Я создаю спектакли. Я не разоблачаю своих актёров. Это убило бы интригу. Но я могу сказать тебе одно: Илья действительно говорил правду.

И эта правда была слишком опасной для того, кто хотел сохранить свои тайны.

— Какая правда? — спросила она, и её голос дрогнул. — Что он знал?

Крестовский улыбнулся — той самой холодной, надменной улыбкой, которая заставляла её чувствовать себя ничтожеством.

— Он знал, что ты была не просто ученицей, Маргарита. Он знал, что ты — моя последняя ошибка. И он знал, кто из вас действительно хочет наследства. И он собирался рассказать это всем. Но кто-то остановил его.

Маргарита отшатнулась, как от удара. Она смотрела на Крестовского, и внутри неё поднималась новая волна эмоций — смесь гнева и страха. Что он имел в виду? Что Илья знал о ней? Что он хотел сказать?

— Ты лжёшь, — сказала она, и голос её дрогнул. — Ты всегда лжёшь.

— Я никогда не лгу, — сказал Крестовский, и в его голосе послышалась насмешка. — Я просто говорю правду в нужное время. И иногда правда бывает страшнее лжи.

Маргарита отвернулась от него. Она не могла больше смотреть на него, не могла слышать его голос, не могла чувствовать его присутствие. Она подошла к телу Ильи и опустилась на колени рядом с ним.

— Я найду правду, — сказала она, и голос её был твёрдым, как сталь. — Я найду её, чего бы это ни стоило.

Часть III. Стадия паралича

Время в библиотеке перестало течь. Оно застыло, как застыли их мысли, как застыла кровь в жилах Ильи. Таймер на стене показывал 54:00:00, но цифры казались нереальными, как декорации в чужом спектакле. Маргарита сидела на полу рядом с телом, и её пальцы всё ещё касались холодной кожи Ильи. Она не могла отпустить его — не могла поверить, что он действительно ушёл.

Остальные разошлись по комнате, каждый пытался найти себе место, чтобы пережить этот шок. Елена сидела в углу, прижавшись к стене, и смотрела в одну точку. Её лицо было бледным, как полотно, и она казалась пустой, как кукла, у которой вынули душу. Она не плакала — она просто молчала, и это молчание было страшнее любых криков.

Аркадий стоял у стола, опершись на него руками. Его руки дрожали — мелкая, почти незаметная дрожь, которую он не мог контролировать. Он смотрел на тело Ильи, и в его глазах горел холодный, аналитический огонь. Он думал. Он знал, что это не случайность. Он знал, что кто-то из них убил Илью. И он знал, что этот кто-то может убить снова.

— Мы должны что-то сделать, — сказал он, и голос его был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Мы не можем просто сидеть здесь и ждать, пока он... пока кто-то убьёт нас всех.

— И что ты предлагаешь? — спросил Виктор, стоя у стеллажа с книгами. Его лицо было усталым, но в голосе звучала сталь. — Мы не знаем, кто это сделал. Мы даже не знаем, как это было сделано.

— Как — это просто, — сказала Софья, подходя к столу. Она говорила медленно, чеканя каждое слово, как будто объясняла что-то ребёнку. — Цианид. Быстродействующий яд, который вызывает судороги, остановку дыхания и смерть. Он мог быть в воде, которую пил Илья. Или в его пище. Или, возможно, он просто вдохнул его.

— Откуда он взялся? — спросила Елена, и голос её дрогнул. — Откуда здесь мог взяться яд?

— Крестовский мог оставить его в доме, — сказала Софья, и она повернулась к Крестовскому, который сидел в кресле с выражением холодного, почти скучающего интереса. — Это его дом. Он мог спрятать здесь что угодно. Лекарства, яды, оружие — всё, что нужно для его спектакля.

— Или кто-то из нас принёс его с собой, — сказал Аркадий, и в его голосе послышалась злая усмешка. — У нас у всех были эти маленькие флаконы. «Симптом-Контроль». Кто знает, что в них было на самом деле?

— Ты хочешь сказать, что яд был в лекарствах? — спросила Маргарита, поднимая голову.

— Я хочу сказать, что это возможно, — ответил Аркадий. — Он дал нам флаконы, чтобы мы были здоровы. Но что, если в одном из них был не лекарственный раствор, а яд? Что, если он хотел, чтобы мы убили друг друга, даже не подозревая об этом?

— Это безумие, — сказала Елена, и её голос дрогнул. — Это просто безумие.

— Это Крестовский, — сказала Софья, и в её голосе послышалась горькая усмешка. — Он всегда был безумцем. Но

он был гениальным безумцем. Он мог придумать такое.

Она подошла к столу и взяла пустой флакон, который они нашли в кармане Ильи. Она повертела его в руках, рассматривая на свету.

— Здесь есть этикетка, — сказала она, указывая на маленький квадрат бумаги, приклеенный к стеклу. — «Симптом-Контроль». Но внутри ничего нет. Или он выпил всё, или кто-то вылил яд в его еду или воду.

— Мы не знаем, — сказал Виктор. — Мы можем только предполагать.

— Но мы должны узнать, — сказала Маргарита, и её голос стал твёрже. — Мы должны найти правду. Мы должны найти убийцу. И мы должны сделать это до того, как он убьёт кого-то ещё.

Она поднялась на ноги, чувствуя, как усталость наваливается на неё. Она должна была быть сильной. Она должна была быть их лидером. Но внутри неё всё рушилось, как картонный домик, и она не знала, как удержать его от падения.

— Мы начнём с того, что обыщем его вещи, — сказала она, кивая на тело Ильи. — Мы должны найти что-то, что

может указать на убийцу. Записку, ключ, что угодно.

Виктор подошёл к телу и начал осматривать его карманы. Он нашёл записную книжку, пустую фляжку, несколько монет. И, наконец, маленький, почти незаметный конверт, зашитый в подкладку пиджака.

— Вот, — сказал он, протягивая конверт Маргарите. — Это может быть важно.

Маргарита взяла конверт и открыла его. Внутри лежала записка, написанная тем же каллиграфическим почерком, что и предыдущая. Но на этот раз она была адресована не им, а самому Илье.

«Илья, — начиналась записка. — Ты знаешь правду. Ты знаешь, кто убил его. Но если ты расскажешь, ты умрёшь. Выбор за тобой».

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она подняла глаза на остальных и увидела в их лицах тот же страх, то же недоверие, ту же ненависть.

— Это шантаж, — сказала она, и голос её дрожал. — Кто-то шантажировал Илью. Кто-то знал, что он знает правду. И кто-то убил его, чтобы он не рассказал её нам.

— И кто же это? — спросил Аркадий, и в его голосе слышалась сталь. — Кто из нас убил его, чтобы он молчал?

Они смотрели друг на друга, и в их взглядах не было ни тепла, ни доверия. Только холод, только страх, только подозрение. Они были в ловушке, и каждый из них был потенциальным убийцей.

— Мы должны найти правду, — сказала Маргарита, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы должны найти убийцу. И мы должны сделать это до того, как он убьёт кого-то ещё.

Часть IV. Снаряжение для новых подозрений

Они обыскали вещи Ильи с методичной тщательностью, но кроме записной книжки, пустой фляжки и шантажирующей записки, ничего не нашли. Маргарита сидела на полу, перелистывая страницы его дневника, и чувствовала, как внутри неё поднимается холод. Илья писал о Крестовском, о своей ненависти, о своём отчаянии. Он писал о том, как Крестовский называл его «пустышкой», как он унижал его, как он разрушал его карьеру. И в каждой строчке Маргарита чувствовала ту же боль, которую чувствовала сама.

— Он был сломлен, — сказала она, поднимая глаза на

остальных. — Он был сломлен так же, как и мы.

— Но он знал что-то, — сказал Виктор, стоя у стола. — Он знал, кто убил его. Или он знал, кто хотел убить его. И он боялся говорить об этом.

— Или он просто был параноиком, — сказал Аркадий, и в его голосе послышалась горькая усмешка. — Мы все параноики здесь. Мы все боимся друг друга. И это именно то, чего хотел Крестовский.

Он кивнул на Крестовского, который сидел в кресле, наблюдая за ними с выражением холодного, почти скучающего интереса. Маргарита посмотрела на него, и внутри неё поднялась новая волна ненависти.

— Ты это сделал, — сказала она, подходя к нему. — Ты всё это спланировал. Ты знал, что кто-то из нас убьёт его. Ты знал, что это произойдёт.

Крестовский поднял на неё глаза, и в них блеснул холодный огонь.

— Я знал, что это возможно, — сказал он, и голос его был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Я знал, что вы все слабы. Я знал, что вы все боитесь.

И я знал, что один из вас не выдержит и сделает это.

— Но ты не знал, кто? — спросила она, и её голос дрогнул.

— Я знал, — сказал он, и его губы тронула тонкая, злая усмешка. — Но я не скажу тебе. Это будет слишком просто. Ты должна найти правду сама, Маргарита. Ты должна пройти через боль, через страх, через ненависть. Только тогда ты станешь сильной.

— Я уже сильная, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — И я найду правду, даже если ты не поможешь мне.

Она отвернулась от него и посмотрела на остальных. Они смотрели на неё с надеждой и страхом — те же чувства, которые она сама испытывала. Но она не могла позволить себе бояться. Она была их лидером. Она должна была быть сильной.

— Мы обыщем этот дом, — сказала она. — Каждую комнату, каждый угол. Мы найдём яд. Мы найдём доказательства. И мы найдём убийцу.

— А если это не сработает? — спросила Елена, и её голос дрожал.

— Тогда мы будем искать дальше, — сказала Маргарита, и в её голосе послышалась решимость. — Мы не остановимся, пока не найдём правду.

Она подошла к столу и взяла пустой флакон, который нашла в кармане Ильи. Она повертела его в руках, рассматривая на свету. Этикетка была чистой — никаких следов, никаких улик. Но она знала, что это — ключ к разгадке.

— Мы должны узнать, что было в этом флаконе, — сказала она. — Кто-то из нас должен знать, где можно достать яд.

— Или где его можно спрятать, — сказал Аркадий, и в его голосе послышалась горькая усмешка. — Или где его можно украсть.

Они смотрели друг на друга, и в их взглядах не было ни тепла, ни доверия. Только холод, только страх, только подозрение. Они были в ловушке, и каждый из них был потенциальным убийцей.

Маргарита чувствовала, как внутри неё поднимается холод. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут ещё большие испытания, ещё большие потери. Но она знала, что должна найти правду. Ради Ильи. Ради себя. Ради всех,

кто был в этой комнате.

Она подошла к телу Ильи и прикрыла его лицо плащом, который нашла на вешалке. Она смотрела на его неподвижное тело и чувствовала, как внутри неё поднимается новая волна эмоций. Гнев. Обида. Боль. И наконец — странное, почти пугающее чувство освобождения.

«Я найду правду, — подумала она. — Я найду её, чего бы это ни стоило».

И она знала, что этот поиск изменит её навсегда.

Часть V. Столкновение с молчанием

Маргарита подошла к Крестовскому и остановилась перед ним. Она смотрела на него, и внутри неё поднималась новая волна ненависти. Он сидел в кресле, прикованный наручниками, но в его позе было что-то королевское, что-то властное, что не позволяло забыть, кто здесь был хозяином.

— Ты знаешь, кто убил Илью, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Ты знаешь, и ты молчишь, потому что тебе нравится смотреть, как мы страдаем.

Крестовский поднял на неё глаза. В них было спокойствие

— холодное, ледяное спокойствие, которое она ненавидела больше всего.

— Я режиссёр, Маргарита, — сказал он, и голос его был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Моя задача — создавать искусство, а не раскрывать тайны. Если я скажу тебе, кто убийца, спектакль будет испорчен. И я не могу этого позволить.

— Это не спектакль, — сказала она, и её голос дрогнул. — Это реальность. Человек мёртв. Илья мёртв. И ты сидишь здесь и смеёшься над нами.

— Я не смеюсь, — сказал он, и его лицо стало серьёзным. — Я наблюдаю. И я вижу, как вы все боитесь. Как вы все подозреваете друг друга. Как вы все готовы убить друг друга, чтобы спасти себя. Это и есть человеческая природа, Маргарита. И я хочу показать её вам.

— Ты просто хочешь уничтожить нас, — сказала она, и в её голосе послышалась ненависть. — Ты хочешь, чтобы мы убили друг друга, как ты убил нас всех много лет назад.

— Я не убивал вас, — сказал он, и в его голосе послышалась странная интонация. — Я делал вас сильными. Я заставлял вас страдать, чтобы вы стали лучше. И некоторые из

вас действительно стали лучше. Но ты, Маргарита... ты так и не поняла этого.

Она смотрела на него, и внутри неё поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что он был прав. Он действительно делал их сильными. Но цена этой силы была слишком высока.

— Я не хочу быть сильной, — сказала она. — Я хочу быть живой.

— Тогда тебе придётся найти правду, — сказал он, и в его голосе послышалась насмешка. — Правда сделает тебя свободной. Или убьёт тебя. Как Илью.

Маргарита отвернулась от него. Она не могла больше смотреть на него, не могла слышать его голос, не могла чувствовать его присутствие. Она подошла к окну и посмотрела на снег, который кружился за стеклом.

— Я найду правду, — сказала она, обращаясь к себе. — Я найду её, чего бы это ни стоило.

Она повернулась к остальным. Они смотрели на неё с надеждой и страхом — те же чувства, которые она сама испытывала. Но она не могла позволить себе бояться. Она была

их лидером. Она должна была быть сильной.

— Мы обыщем этот дом, — сказала она. — Каждую комнату, каждый угол. Мы найдём яд. Мы найдём доказательства. И мы найдём убийцу.

— А если это не работает? — спросила Елена, и её голос дрожал.

— Тогда мы будем искать дальше, — сказала Маргарита, и в её голосе послышалась решимость. — Мы не остановимся, пока не найдём правду.

Она сжала кулаки и посмотрела в темноту. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут ещё большие испытания, ещё большие потери. Но она знала, что должна найти правду. Ради Ильи. Ради себя. Ради всех, кто был в этой комнате.

— Мы готовы, — сказала она громко, в пустоту.

И в ответ на её слова где-то в темноте снова раздался смех. Тихий, зловещий, как будто Крестовский стоял прямо за ними, касаясь их плеч невидимыми руками.

— Игра началась, — прошептал голос.

И спектакль продолжался.

Часть VI. Мизансцена утра

Первые лучи серого утреннего света пробились сквозь тяжелые шторы, освещая библиотеку холодным, безжизненным светом. Маргарита стояла у окна и смотрела на снег, который кружился за стеклом, белый, бесконечный, как её мысли. Она чувствовала, как усталость наваливается на неё, но она не могла позволить себе отдыхать. Она должна была думать. Она должна была действовать.

Остальные сидели в комнате, каждый в своём углу. Елена смотрела в одну точку, её лицо было бледным, как полотно. Аркадий пил виски, его руки дрожали. Софья делала заметки в блокноте, её лицо было непроницаемым. Виктор стоял у стеллажа с книгами, перебирая корешки, как будто искал что-то важное. Илья лежал на полу, накрытый плащом, и его тело казалось куском декорации, забытым на сцене.

— Мы должны решить, что делать дальше, — сказала Маргарита, поворачиваясь к ним. — Мы не можем просто сидеть и ждать, пока кто-то умрёт снова.

— И что ты предлагаешь? — спросил Аркадий, и в его

голосе слышалась усталость. — Мы не можем выйти из этой комнаты. Мы не можем вызвать помощь. Мы заперты здесь, с ним, — он кивнул на Крестовского, — и с убийцей среди нас.

— Мы можем искать выход, — сказала Маргарита. — Мы можем найти способ выбраться из этого дома. И мы можем найти убийцу.

— И как мы найдём убийцу? — спросила Софья, и её голос был холодным, как лёд. — У нас нет улики. У нас нет свидетелей. Мы даже не знаем, как был отравлен Илья.

— Мы можем проверить его вещи, — сказала Маргарита. — Мы можем найти что-то, что укажет на убийцу.

— Мы уже проверили, — сказал Виктор, и в его голосе слышалась усталость. — Там ничего нет. Только пустой флакон и записка.

— Тогда мы должны найти яд, — сказала Маргарита. — Крестовский должен был оставить его здесь, в этом доме. Мы должны найти его и понять, кто мог его использовать.

Она подошла к столу и взяла пустой флакон. Она повертела его в руках, рассматривая на свету.

— Этот флакон был в кармане Ильи, — сказала она. — Но он мог быть и у кого-то ещё. Крестовский дал нам всем такие флаконы. И в каждом из них мог быть яд.

— Ты хочешь сказать, что мы все могли быть отравлены? — спросила Елена, и её голос дрожал.

— Я хочу сказать, что мы все в опасности, — сказала Маргарита. — И единственный способ выжить — найти правду.

Она подошла к Крестовскому и остановилась перед ним. Он сидел в кресле, наблюдая за ними с холодным, почти скупающим интересом.

— Ты знаешь, где яд, — сказала она. — Ты знаешь, кто его взял. И ты скажешь нам.

Крестовский улыбнулся — той самой холодной, надменной улыбкой, которая заставляла её чувствовать себя ничтожеством.

— Я могу сказать тебе одно, Маргарита, — сказал он, и голос его был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Илья знал правду. И он умер, потому что не смог скрывать её. Вы все думаете, что это я убил его. Но

я не убивал его. Я просто создал условия, в которых он мог быть убит. И кто-то из вас воспользовался этим.

Маргарита смотрела на него, и внутри неё поднималась новая волна ненависти. Она знала, что он прав — он не убивал Илью. Он просто создал мир, в котором убийство стало возможным. И она должна была найти убийцу в этом мире.

— Мы найдём правду, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы найдём её, чего бы это ни стоило.

Она повернулась к остальным и увидела в их глазах тот же страх, то же недоверие, ту же ненависть. Они были в ловушке, и каждый из них был потенциальным убийцей. Но она знала, что должна найти правду. Ради Ильи. Ради себя. Ради всех, кто был в этой комнате.

— Мы начнём с того, что обобщем этот дом, — сказала она. — Мы найдём яд. Мы найдём доказательства. И мы найдём убийцу.

— А если мы не найдём его? — спросил Аркадий, и в его голосе слышалась усталость.

— Тогда мы умрём, пытаясь это сделать, — сказала Маргарита, и её голос был холодным, как лёд.

Она сжала кулаки и посмотрела в темноту. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут ещё большие испытания, ещё большие потери. Но она знала, что должна найти правду. И она найдёт её, даже если это будет последним, что она сделает в своей жизни.

Где-то в глубине дома часы пробили час. Маргарита услышала этот звук — тяжёлый, металлический, как удар молота по наковальне. И поняла, что время пошло. Семьдесят два часа. Три дня. И каждый из них был на счету.

Она сжала кулаки и посмотрела в темноту. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут испытания, ловушки, открытия, которые изменят всё.

— Мы готовы, — сказала она громко, в пустоту.

И в ответ на её слова где-то в темноте снова раздался смех. Тихий, зловещий, как будто Крестовский стоял прямо за ними, касаясь их плеч невидимыми руками.

— Игра началась, — прошептал голос.

И спектакль продолжался.

Глава 14. Декорация: Правда горька

Часть I. Анатомия допроса

Тишина в библиотеке после того, как тело Ильи было накрыто плащом, стала совершенно иной. Она больше не была той звенящей, театральной тишиной, которую Крестовский так любил использовать в своих постановках. Это была тишина могилы — тяжелая, давящая, пропитанная запахом смерти и страха. Каждый звук — скрип старого кресла, тиканье таймера на стене, собственное дыхание — казался оглушительным, как выстрел в пустом зале.

Маргарита стояла у окна, глядя на серый утренний свет, который с трудом пробивался сквозь заснеженное стекло. Её отражение в стекле было бледным, изможденным, с темными кругами под глазами и впалыми щеками. Она не узнавала себя. Женщина, которая смотрела на неё из стекла, была чужой — старой, уставшей, сломленной. Но внутри неё, глубоко под слоями усталости и страха, все ещё теплился огонь. Огонь, который она не могла позволить себе погасить.

— Мы не можем продолжать в том же духе, — сказала она, поворачиваясь к остальным. Её голос был хриплым, но в нём звучала сталь. — Мы не можем просто сидеть здесь и ждать, пока кто-то ещё умрёт. Мы должны действовать.

— И что ты предлагаешь? — спросил Аркадий Вершинин, сидя на полу у стены. Его лицо было опухшим, глаза красными от недосыпа и алкоголя. Он держал в руках пустую фляжку и смотрел на неё так, будто она была единственным другом в этой комнате. — Мы уже обыскали всё. Мы уже нашли его тело. Мы уже знаем, что он отравлен. Что ещё мы можем сделать?

— Мы можем найти убийцу, — сказала Софья Райх. Она сидела в кресле с блокнотом на коленях, и её рука быстро двигалась по бумаге, фиксируя каждое слово, каждое движение, каждую деталь. Её лицо было непроницаемым, как маска, и только в глазах — холодных, серых, почти прозрачных — можно было прочесть напряжение. — Мы можем провести допрос. Мы можем выяснить, кто из нас имел возможность и мотив убить Илью.

— Допрос? — переспросил Аркадий, и в его голосе слышалась горькая усмешка. — Ты что, считаешь себя судьёй, Софья? Ты думаешь, что мы будем сидеть и отвечать на твои вопросы, как в дешёвом детективе?

— Я считаю себя человеком, который хочет выжить, — ответила Софья, и её голос был ледяным. — И если ты не хочешь быть следующим трупом, Аркадий, я советую тебе

сотрудничать.

Аркадий хотел что-то ответить, но его перебила Елена Соболева. Она сидела в углу, прижавшись к стене, и её лицо было белым, как полотно. Она не плакала — слезы закончились ещё несколько часов назад, — но её глаза были пустыми, как у куклы.

— Пусть она задаёт свои вопросы, — сказала Елена, и её голос был тихим, почти безжизненным. — Я хочу знать, кто убил его. Я хочу знать, кто из нас... кто из нас способен на такое.

Маргарита посмотрела на Елену и почувствовала, как внутри неё поднимается волна жалости. Эта женщина, которая когда-то была звездой сцены, теперь сидела здесь, сломленная, уничтоженная, и её глаза были полны такого отчаяния, что у Маргариты сжалось сердце.

— Хорошо, — сказала Маргарита, поворачиваясь к Софье. — Ты будешь задавать вопросы. Но мы будем отвечать на них честно. Потому что это единственный способ выжить.

Софья кивнула и поднялась с кресла. Она подошла к центру комнаты, остановилась и оглядела каждого из них с холодным, изучающим взглядом.

— Начнём с тебя, Аркадий, — сказала она, и голос её был сухим, как шелест бумаги. — Расскажи, что ты делал прошлой ночью.

Аркадий усмехнулся, но в его усмешке не было веселья.

— Я пил, — сказал он, и его голос был хриплым. — Я пил, чтобы забыть, где я нахожусь. Я пил, чтобы забыть, что мы заперты здесь. Я пил, чтобы забыть, что этот старый ублюдок, — он кивнул на Крестовского, который сидел в кресле с выражением холодного интереса, — продолжает управлять нашей жизнью даже после того, как мы поймали его.

— И ты никуда не выходил? — спросила Софья, и её голос стал ещё холоднее. — Ты не подходил к Илье? Ты не давал ему что-то выпить?

— Я не давал ему ничего, — сказал Аркадий, и в его голосе слышалась злоба. — Я даже не разговаривал с ним. Я сидел у стены и пил. А потом я уснул. И проснулся, когда эта истеричка, — он кивнул на Елену, — начала кричать.

— И у тебя есть свидетели? — спросила Софья.

— Свидетели? — переспросил Аркадий, и в его голосе

послышалась горькая усмешка. — Мы все были в этой комнате. Мы все видели друг друга. Но никто не видел, что делал другой. Ты же знаешь, как это работает, Софья. Мы все спим, и никто не знает, кто встаёт, когда другие спят.

— Это не ответ, — сказала Софья, и в её голосе послышалось раздражение.

— Это единственный ответ, который у меня есть, — сказал Аркадий. — Я не убивал его. Я не знаю, кто убил его. И я не хочу, чтобы меня обвиняли в том, чего я не делал.

— Тогда скажи мне, что ты делал, когда проснулся, — настаивала Софья. — Ты сказал, что ходил к столу за водой. Это правда?

— Да, — сказал Аркадий, и его голос дрогнул. — Я ходил к столу за водой. Я был пьян, и мне хотелось пить. Я налил себе воды и выпил её. А потом я вернулся на своё место и уснул.

— И ты не заметил ничего необычного? — спросила Софья. — Ты не видел, как кто-то подходил к Илье?

— Нет, — сказал Аркадий. — Я ничего не видел. Я был пьян. Я едва мог стоять на ногах. Но я клянусь тебе, Софья,

я не убивал его. Я не убивал его, потому что мне не зачем было убивать его.

— А что насчёт наследства? — спросила Софья, и в её голосе послышалась сталь. — Ты не хотел получить его? Ты не хотел, чтобы кто-то убрал конкурентов?

— Наследство? — переспросил Аркадий, и в его голосе послышалась горькая усмешка. — Я не верю в это наследство. Я не верю, что Крестовский оставит нам что-то, кроме смерти. И я не убивал Илью ради денег, которых нет.

Софья смотрела на него несколько секунд, затем повернулась к Елене.

— Елена, — сказала она, и голос её стал мягче, но не менее настойчивым. — Что ты делала прошлой ночью?

Елена подняла на неё глаза. В них не было страха — только бесконечная, глубокая усталость.

— Я не спала, — сказала она, и её голос был тихим, почти шёпотом. — Я не могла уснуть. Я всё время думала о нём, — она кивнула на Крестовского, — о том, что он сделал с нами. О том, что он сделал со мной.

— Ты видела, что делал Илья? — спросила Софья. — Ты видела, как кто-то подходил к нему?

— Я видела, как он сидел и писал что-то, — сказала Елена, и в её голосе послышалась странная интонация. — Он сидел у стеллажа с книгами и писал что-то в свой блокнот. А потом я слышала шаги. Тихие шаги, как будто кто-то подкрадывался к нему.

— Шаги? — переспросил Виктор Штольц, который стоял у стеллажа и слушал допрос с напряжённым вниманием. — Ты уверена, что это были шаги? Может быть, это был просто скрип половиц?

— Нет, — сказала Елена, и её голос стал твёрже. — Это были шаги. Я слышала их. Они были тихими, но они были. Кто-то подошёл к нему, и я слышала, как он сказал что-то. Я не разобрала слов, но я слышала его голос. А потом шаги стихли.

— Чей это был голос? — спросила Маргарита, подходя ближе. — Ты узнала его?

— Нет, — сказала Елена, и её лицо побледнело ещё больше. — Я не знаю, чей это был голос. Он был тихим, почти шёпотом. И я не слышала, что он сказал. Но я знаю, что кто-

то был рядом с ним.

— И что было потом? — спросила Софья.

— Потом я уснула, — сказала Елена, и её голос дрогнул. — Я не знаю, как это произошло. Я просто закрыла глаза и уснула. А когда я проснулась, он уже был мёртв.

— Ты не видела, кто это был? — спросила Софья, и в её голосе слышалось раздражение. — Ты не видела лица?

— Нет, — сказала Елена, и в её голосе слышались слёзы. — Я не видела. Я только слышала шаги. И голос. Тихий голос, который говорил что-то, что я не могла разобрать.

Маргарита смотрела на Елену и чувствовала, как внутри неё поднимается холод. Она знала, что Елена не лжёт — эта женщина была слишком сломлена, чтобы лгать. Но это означало, что убийца действительно был среди них. И он был достаточно осторожен, чтобы не попасться на глаза.

— Мы должны найти его, — сказала Маргарита, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы должны найти убийцу, прежде чем он убьёт кого-то ещё.

— И как мы это сделаем? — спросил Аркадий, и в его

голосе слышалась усталость. — Мы не знаем, кто это был. Мы не знаем, как он убил Илью. Мы не знаем ничего.

— Мы знаем, что он использовал яд, — сказал Виктор, который до этого момента молчал. — Мы знаем, что яд был в флаконе, который Крестовский дал нам. И мы знаем, что кто-то из нас мог подменить содержимое флакона.

— Или кто-то мог достать яд из этого дома, — сказала Софья, и её голос стал задумчивым. — Крестовский мог спрятать здесь яд. Он мог оставить его в одном из своих тайников. Мы должны обыскать этот дом.

— Мы уже обыскали его, — сказал Аркадий, и в его голосе слышалось раздражение. — Мы уже перерыли всё, что можно.

— Мы обыскали не всё, — сказала Софья. — Мы не обыскали его кабинет. Мы не обыскали его спальню. Мы не обыскали его тайные комнаты.

— Ты думаешь, он оставил яд в открытом доступе? — спросил Аркадий, и в его голосе слышалась насмешка. — Ты думаешь, он был таким глупым?

— Он был гениальным, — сказала Софья. — Но он также

был нарциссом. Он хотел, чтобы мы играли в его игру. И он мог оставить нам инструменты для этой игры. Мы должны найти их.

Маргарита стояла, слушая их спор, и чувствовала, как внутри неё поднимается новая волна эмоций. Она знала, что Софья права. Крестовский был нарциссом. Он хотел, чтобы они играли в его игру. И он мог оставить им яд, как часть этой игры.

— Мы обыщем его кабинет, — сказала она, и её голос был твёрдым. — Мы обыщем его спальню. Мы обыщем всё, что можно. И мы найдём яд. Мы найдём убийцу.

Она повернулась к Крестовскому, который сидел в кресле с выражением холодного, почти скучающего интереса. Он смотрел на неё, и на его губах играла тонкая, едва заметная улыбка.

— Ты знаешь, где он, — сказала она. — Ты знаешь, где он спрятал яд. И ты скажешь нам.

Крестовский улыбнулся — той самой холодной, надменной улыбкой, которую она ненавидела больше всего.

— Я могу сказать тебе одно, Маргарита, — сказал он, и

голос его был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Ты найдёшь яд, когда будешь готова найти правду. Но ты не готова. Ты всё ещё ищешь виноватых, вместо того чтобы искать истину.

Маргарита смотрела на него, и внутри неё поднималась новая волна ненависти. Она знала, что он прав. Она действительно искала виноватых, вместо того чтобы искать правду. Но она не могла позволить себе сомневаться. Она должна была действовать.

— Мы найдём его, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы найдём его, чего бы это ни стоило.

Часть II. Вторжение яда

Они вышли из библиотеки и направились в кабинет Крестовского. Коридоры дома были темными, освещёнными только тусклым красным светом аварийных ламп, которые создавали зловещие тени на стенах. Маргарита шла впереди, сжимая в руке фонарик Виктора, и каждый звук — шаги, дыхание, тиканье таймера где-то в глубине дома — казался ей оглушительным.

Они вошли в кабинет. Это была комната, которая выглядела так, будто её хозяин только что вышел и должен вер-

нуться с минуты на минуту. На массивном письменном столе лежали бумаги, книги, старый чернильный прибор. В углу стоял сейф, встроенный в стену за портретом.

— Здесь должен быть яд, — сказала Софья, оглядывая комнату. — Если Крестовский спрятал его где-то, это должно быть здесь.

— Или он спрятал его в библиотеке, — сказал Виктор. — В одной из книг. Или в тайнике.

— Тогда мы должны обыскать всё, — сказала Маргарита. — Каждую книгу, каждый ящик, каждый угол.

Они начали обыск. Софья проверяла сейф, но он был заперт на сложный код. Аркадий перебирал бумаги на столе, но ничего не находил. Елена стояла у двери, не решаясь войти в комнату. Виктор осматривал книжные шкафы, ища тайные механизмы. Маргарита стояла у стены, глядя на портрет Крестовского, который висел над столом, и чувствовала, как внутри неё поднимается холод.

— Мы ничего не найдём здесь, — сказал Аркадий, и в его голосе послышалась усталость. — Он не был таким глупым, чтобы оставить яд в открытом доступе.

— Он был достаточно гениальным, чтобы спрятать его, — сказала Софья. — Но он не мог спрятать его так, чтобы мы не нашли. Мы должны продолжать искать.

— Искать? — переспросил Аркадий, и в его голосе послышалась злость. — Мы ищем уже несколько часов. Мы ничего не нашли. Может быть, мы просто должны принять правду, что мы не найдём его?

— Мы найдём его, — сказала Маргарита, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы найдём его, потому что у нас нет выбора.

Она подошла к книжному шкафу и начала осматривать книги. Её пальцы перебирали корешки, ища что-то, что могло бы выдать тайник. Она почти отчаялась, когда её взгляд упал на одну книгу, которая стояла чуть дальше остальных. Она потянула её, и книга открылась, обнажая небольшое углубление. Внутри лежал маленький стеклянный флакон, заполненный прозрачной жидкостью.

— Вот он, — сказала Маргарита, и её голос дрожал. — Я нашла его.

Она взяла флакон в руки и поднесла его к свету. На этикетке было написано одно слово: «Симптом-Контроль». Но

содержимое флакона пахло горьким миндалём — тем же запахом, который Софья почувствовала у тела Ильи.

— Это он, — сказала Софья, подходя ближе. — Это тот же яд, которым отравили Илью.

— Но как он попал сюда? — спросила Елена, и её голос дрожал. — Кто положил его сюда?

— Кто-то из нас, — сказал Аркадий, и в его голосе послышалась горькая усмешка. — Кто-то из нас спрятал его здесь, чтобы мы не нашли его.

— Или Крестовский спрятал его здесь, — сказал Виктор. — Он мог оставить его здесь, как часть своей игры.

— Но зачем ему оставлять нам яд? — спросила Елена, и в её голосе послышалось отчаяние.

— Чтобы мы могли убить друг друга, — сказала Софья, и её голос был холодным, как лёд. — Он хотел, чтобы мы играли в его игру. И он дал нам инструменты для этой игры.

Маргарита смотрела на флакон в своей руке и чувствовала, как внутри неё поднимается холод. Она знала, что это — часть игры Крестовского. Но она также знала, что это —

ключ к разгадке.

— Мы должны найти его, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы должны найти убийцу. И мы должны сделать это до того, как он убьёт кого-то ещё.

Часть III. Стадия гнева и отрицания

Они вернулись в библиотеку с флаконом в руках. Маргарита поставила его на стол, и все уставились на него, как на змею, которая могла ужалить в любой момент.

— Это он, — сказал Аркадий, и в его голосе послышалась злость. — Это тот самый яд, которым убили Илью. И кто-то из нас спрятал его в кабинете.

— Или Крестовский спрятал его там, — сказал Виктор. — Мы не можем быть уверены.

— Но мы можем быть уверены, что кто-то из нас знал о нём, — сказала Софья, и её голос был ледяным. — И этот кто-то использовал его, чтобы убить Илью.

— И кто же это? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалась злоба. — Кто из нас убил его?

— Мы не знаем, — сказала Маргарита. — Но мы можем выяснить.

Она подошла к столу, взяла флакон в руки и повернула его. На дне была маленькая этикетка с датой — вчерашний день.

— Он был наполнен вчера, — сказала она. — Кто-то из нас наполнил его вчера, чтобы убить Илью.

— Или Крестовский наполнил его, — сказал Виктор. — Он мог сделать это до того, как мы поймали его.

— Но он был прикован наручниками, — сказал Аркадий. — Он не мог сделать это.

— Он мог сделать это до того, как мы поймали его, — сказал Виктор. — Он мог наполнить флакон и спрятать его, ожидая, что кто-то из нас найдёт его.

— Или он мог дать его кому-то из нас, — сказала Софья, и в её голосе послышалась странная интонация. — Он мог дать его кому-то из нас, чтобы тот использовал его.

Маргарита почувствовала, как внутри неё поднимается холод. Она смотрела на остальных, и каждый из них казался

ей потенциальным убийцей.

— Мы должны найти правду, — сказала она. — Мы должны выяснить, кто убил Илью.

— И как мы это сделаем? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалась усталость. — Мы не знаем ничего.

— Мы знаем, что кто-то из нас лжёт, — сказал Виктор. — Кто-то из нас знает больше, чем говорит. Мы должны выяснить, кто это.

Он подошёл к столу и взял блокнот Ильи. Он начал перелистывать страницы, и его лицо стало серьёзным.

— Здесь что-то есть, — сказал он. — Он писал что-то о нас.

— О чём? — спросила Маргарита, подходя ближе.

Виктор начал читать вслух, и его голос был сухим, монотонным, как у лектора:

— «Я знаю, что она лжёт. Я знаю, что она скрывает что-то. Я не знаю, что это, но я знаю, что она опасна. И я должен быть осторожен».

— Кто это? — спросила Елена, и её голос дрожал. — Кого он имел в виду?

— Я не знаю, — сказал Виктор. — Но, возможно, это ключ к разгадке.

Он перевернул страницу и продолжил читать:

— «Я видел, как она что-то прятала. Она думала, что никто не видит, но я видел. И я знаю, что это может быть связано с тем, что случилось».

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она смотрела на Виктора, на Аркадия, на Софью, на Елену — и каждый из них казался ей подозрительным.

— Мы должны найти её, — сказала она. — Мы должны найти ту, о ком он писал.

— И как мы это сделаем? — спросил Аркадий, и в его голосе слышалась усталость. — Мы не знаем, кто это.

— Мы знаем, что это женщина, — сказал Виктор. — Он использовал женский род. Это одна из нас.

Он посмотрел на Елену, на Софью, на Маргариту — и в его взгляде было подозрение.

— Это не я, — сказала Елена, и её голос дрожал. — Я ничего не прятала. Я ничего не делала.

— И я тоже, — сказала Софья, и её голос был холодным, как лёд. — Я не убивала его.

— И я, — сказала Маргарита, и её голос был твёрдым, как сталь. — Я не убивала его. Но кто-то из нас убил его. И мы должны найти этого человека.

Она подошла к Крестовскому и остановилась перед ним. Он сидел в кресле, наблюдая за ними с выражением холодного, почти скучающего интереса.

— Ты знаешь, кто это, — сказала она, и её голос дрожал. — Ты знаешь, кто убил Илью.

Крестовский улыбнулся — той самой холодной, надменной улыбкой, которую она ненавидела больше всего.

— Я знаю, кто убил его, — сказал он, и голос его был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Но я не скажу тебе. Ты должна найти это сама. Ты долж-

на пройти через боль, через страх, через ненависть. Только тогда ты станешь сильной.

— Я уже сильная, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — И я найду правду, даже если ты не поможешь мне.

Она отвернулась от него и посмотрела на остальных. Они смотрели на неё с надеждой и страхом — те же чувства, которые она сама испытывала. Но она не могла позволить себе бояться. Она была их лидером. Она должна была быть сильной.

— Мы найдём его, — сказала она. — Мы найдём убийцу. И мы сделаем это вместе.

Часть IV. Снаряжение для правды

Они снова разошлись по комнате, каждый пытался найти своё место в этом хаосе. Маргарита стояла у стола, перебирая бумаги, которые остались от Ильи. Она искала что-то, что могло бы указать на убийцу — записку, улику, что угодно. Но всё, что она находила, было пустым.

Аркадий пил виски, сидя на полу у стены. Его глаза были мутными, и он смотрел на остальных с выражением, в ко-

тором смешивались злоба и усталость. Елена сидела в углу, прижавшись к стене, и смотрела в одну точку. Софья делала заметки в блокноте, её лицо было непроницаемым. Виктор стоял у стеллажа с книгами, перебирая корешки.

— Мы должны найти его, — сказала Маргарита, обращаясь к пустоте. — Мы должны найти убийцу.

— И как мы это сделаем? — спросил Аркадий, и в его голосе слышалась усталость. — Мы не знаем ничего.

— Мы знаем, что он использовал яд, — сказал Виктор. — Мы знаем, что яд был в флаконе, который мы нашли. И мы знаем, что кто-то из нас знал о нём.

— Или Крестовский знал о нём, — сказала Софья, поднимая голову. — Он мог оставить его для нас.

— Но он был прикован наручниками, — сказал Аркадий. — Он не мог сделать это.

— Он мог сделать это до того, как мы поймали его, — сказал Виктор. — Он мог спрятать яд и ожидать, что кто-то из нас найдёт его.

— Или он мог дать его кому-то из нас, — сказала Софья,

и в её голосе слышалась странная интонация. — Он мог дать его кому-то из нас, чтобы тот использовал его.

Маргарита смотрела на них, и внутри неё поднималась новая волна эмоций. Она знала, что Софья права. Крестовский был гениальным манипулятором. Он мог дать яд кому-то из них, чтобы тот использовал его.

— Мы должны найти его, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы должны найти убийцу.

Она подошла к Крестовскому и остановилась перед ним. Он сидел в кресле, наблюдая за ней с выражением холодного, почти скучающего интереса.

— Ты знаешь, кто это, — сказала она, и её голос дрожал. — Ты знаешь, кто убил Илью.

Крестовский улыбнулся — той самой холодной, надменной улыбкой, которую она ненавидела больше всего.

— Я знаю, кто убил его, — сказал он, и голос его был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Но я не скажу тебе. Ты должна найти это сама.

— Почему? — спросила она, и в её голосе слышалась

ненависть. — Почему ты не можешь сказать мне?

— Потому что правда должна быть найдена, а не дана, — сказал он, и в его голосе послышалась насмешка. — Если я скажу тебе, ты не поймёшь её. Ты должна пройти через боль, через страх, через ненависть. Только тогда ты станешь сильной.

Маргарита смотрела на него, и внутри неё поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что он был прав. Она должна была найти правду сама. Только тогда она сможет стать сильной.

— Я найду её, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Я найду её, чего бы это ни стоило.

Она отвернулась от него и подошла к столу. Она взяла блокнот Ильи и начала перелистывать страницы. И на одной из них она нашла то, что искала — список имён с пометками.

«Аркадий — пьёт, но не убивает. Елена — слишком слаба. Софья — слишком умна. Маргарита — слишком добра. Виктор — слишком осторожен». И внизу, как удар молнии: «Но кто-то из них лжёт. Кто-то из них убил его. И я знаю, кто это».

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она смотрела на список и не могла поверить своим глазам. Илья знал, кто убил его. Он знал, и он оставил им подсказку.

— Я знаю, кто это, — сказала она, поднимая голову. — Я знаю, кто убил Илью.

Она повернулась к остальным и прочитала список вслух. Когда она закончила, в комнате воцарилась тишина. Все смотрели друг на друга, и в их глазах было недоверие.

— Это не я, — сказал Аркадий, и его голос дрожал. — Я не убивал его.

— И я, — сказала Елена, и её голос был тихим, как шёпот. — Я не убивала его.

— И я, — сказала Софья, и её голос был холодным, как лёд. — Я не убивала его.

— И я, — сказал Виктор, и в его голосе слышалась усталость. — Я не убивал его.

Маргарита смотрела на них, и внутри неё поднималась новая волна эмоций. Она знала, что один из них лжёт. Один из

них убил Илью. И она должна была найти его.

— Мы найдём его, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы найдём убийцу. И мы сделаем это вместе.

Часть V. Столкновение с реальностью

Они стояли в библиотеке, глядя друг на друга, и чувствовали, как напряжение растёт с каждым мгновением. Таймер на стене показывал 48:00:00, и цифры казались нереальными, как декорации в чужом спектакле. Маргарита смотрела на остальных, и каждый из них казался ей подозрительным.

— Мы должны найти его, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы должны найти убийцу.

— И как мы это сделаем? — спросил Аркадий, и в его голосе слышалась усталость. — Мы уже перепробовали всё.

— Мы перепробовали не всё, — сказал Виктор. — Мы не проверили его карманы.

Он подошёл к телу Ильи и начал осматривать его карманы. Он нашёл маленькую записную книжку, пустой флакон, несколько монет. И, наконец, маленький, почти незаметный конверт, зашитый в подкладку пиджака.

— Вот, — сказал он, протягивая конверт Маргарите. — Это может быть важно.

Маргарита взяла конверт и открыла его. Внутри лежала записка, написанная тем же каллиграфическим почерком, что и предыдущая. Но на этот раз она была адресована не им, а самому Илье.

«Илья, — начиналась записка. — Ты знаешь правду. Ты знаешь, кто убил его. Но если ты расскажешь, ты умрёшь. Выбор за тобой».

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она подняла глаза на остальных и увидела в их лицах тот же страх, то же недоверие, ту же ненависть.

— Это шантаж, — сказала она, и голос её дрожал. — Кто-то шантажировал Илью. Кто-то знал, что он знает правду. И кто-то убил его, чтобы он не рассказал её нам.

— И кто же это? — спросил Аркадий, и в его голосе слышалась сталь. — Кто из нас убил его, чтобы он молчал?

Они смотрели друг на друга, и в их взглядах не было ни тепла, ни доверия. Только холод, только страх, только подо-

зрение. Они были в ловушке, и каждый из них был потенциальным убийцей.

— Мы должны найти правду, — сказала Маргарита, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы должны найти убийцу. И мы должны сделать это до того, как он убьёт кого-то ещё.

Она подошла к Крестовскому и остановилась перед ним. Он сидел в кресле, наблюдая за ними с выражением холодного, почти скучающего интереса.

— Ты знаешь, кто это, — сказала она, и её голос дрожал. — Ты знаешь, кто убил Илью.

Крестовский улыбнулся — той самой холодной, надменной улыбкой, которую она ненавидела больше всего.

— Я знаю, кто убил его, — сказал он, и голос его был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Но я не скажу тебе. Ты должна найти это сама.

— Почему? — спросила она, и в её голосе послышалась ненависть. — Почему ты не можешь сказать мне?

— Потому что правда должна быть найдена, а не дана, — сказал он, и в его голосе послышалась насмешка. — Если

я скажу тебе, ты не поймёшь её. Ты должна пройти через боль, через страх, через ненависть. Только тогда ты станешь сильной.

Маргарита смотрела на него, и внутри неё поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что он был прав. Она должна была найти правду сама. Только тогда она сможет стать сильной.

— Я найду её, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Я найду её, чего бы это ни стоило.

Она отвернулась от него и посмотрела на остальных. Они смотрели на неё с надеждой и страхом — те же чувства, которые она сама испытывала. Но она не могла позволить себе бояться. Она была их лидером. Она должна была быть сильной.

— Мы найдём его, — сказала она. — Мы найдём убийцу. И мы сделаем это вместе.

Часть VI. Мизансцена кризиса

Они стояли в библиотеке, и тишина была абсолютной. Даже тиканье таймера казалось приглушённым, как будто сам дом затаил дыхание, ожидая развязки. Маргарита смотрела

на остальных, и внутри неё поднималось странное, почти пугающее спокойствие. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут ещё большие испытания, ещё большие потери. Но она также знала, что должна найти правду. Ради Ильи. Ради себя. Ради всех, кто был в этой комнате.

— Мы должны найти его, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы должны найти убийцу.

— И как мы это сделаем? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалась усталость. — Мы уже перепробовали всё.

— Мы перепробовали не всё, — сказал Виктор. — Мы не проверили его дневник.

Он подошёл к столу, взял дневник Ильи и начал перелистывать страницы. Его лицо стало серьёзным, когда он нашёл одну из последних записей.

— Здесь что-то есть, — сказал он. — Он написал это вчера вечером.

— Что там? — спросила Маргарита, подходя ближе.

Виктор начал читать вслух, и его голос был сухим, монотонным:

— «Я знаю, что она лжёт. Я знаю, что она скрывает что-то. Я не знаю, что это, но я знаю, что она опасна. И я должен быть осторожен».

— Кто это? — спросила Елена, и её голос дрожал. — Кого он имел в виду?

— Я не знаю, — сказал Виктор. — Но, возможно, это ключ к разгадке.

Он перевернул страницу и продолжил читать:

— «Я видел, как она что-то прятала. Она думала, что никто не видит, но я видел. И я знаю, что это может быть связано с тем, что случилось».

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она смотрела на Виктора, на Аркадия, на Софью, на Елену — и каждый из них казался ей подозрительным.

— Мы должны найти её, — сказала она. — Мы должны найти ту, о ком он писал.

— И как мы это сделаем? — спросил Аркадий, и в его голосе слышалась усталость. — Мы не знаем, кто это.

— Мы знаем, что это женщина, — сказал Виктор. — Он использовал женский род. Это одна из нас.

Он посмотрел на Елену, на Софью, на Маргариту — и в его взгляде было подозрение.

— Это не я, — сказала Елена, и её голос дрожал. — Я ничего не прятала. Я ничего не делала.

— И я тоже, — сказала Софья, и её голос был холодным, как лёд. — Я не убивала его.

— И я, — сказала Маргарита, и её голос был твёрдым, как сталь. — Я не убивала его. Но кто-то из нас убил его. И мы должны найти этого человека.

Она подошла к Крестовскому и остановилась перед ним. Он сидел в кресле, наблюдая за ними с выражением холодного, почти скучающего интереса.

— Ты знаешь, кто это, — сказала она, и её голос дрожал. — Ты знаешь, кто убил Илью.

Крестовский улыбнулся — той самой холодной, надменной улыбкой, которую она ненавидела больше всего.

— Я знаю, кто убил его, — сказал он, и голос его был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Но я не скажу тебе. Ты должна найти это сама.

Маргарита смотрела на него, и внутри неё поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что он был прав. Она должна была найти правду сама. Только тогда она сможет стать сильной.

— Я найду её, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Я найду её, чего бы это ни стоило.

Она отвернулась от него и посмотрела на остальных. Они смотрели на неё с надеждой и страхом — те же чувства, которые она сама испытывала. Но она не могла позволить себе бояться. Она была их лидером. Она должна была быть сильной.

— Мы найдём его, — сказала она. — Мы найдём убийцу. И мы сделаем это вместе.

Она подошла к столу и взяла дневник Ильи. Она перелистала страницы, ища что-то, что могло бы указать на убийцу. И на одной из страниц она нашла то, что искала — список подозреваемых.

«Аркадий — пьёт, но не убивает. Елена — слишком слаба. Софья — слишком умна. Маргарита — слишком добра. Виктор — слишком осторожен. Но кто-то из них лжёт. Кто-то из них убил его. И я знаю, кто это».

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она смотрела на список и не могла поверить своим глазам. Илья знал, кто убил его. Он знал, и он оставил им подсказку.

— Я знаю, кто это, — сказала она, поднимая голову. — Я знаю, кто убил Илью.

Она повернулась к остальным и прочитала список вслух. Когда она закончила, в комнате воцарилась тишина. Все смотрели друг на друга, и в их глазах было недоверие.

— Это не я, — сказал Аркадий, и его голос дрожал. — Я не убивал его.

— И я, — сказала Елена, и её голос был тихим, как шёпот. — Я не убивала его.

— И я, — сказала Софья, и её голос был холодным, как лёд. — Я не убивала его.

— И я, — сказал Виктор, и в его голосе слышалась усталость. — Я не убивал его.

Маргарита смотрела на них, и внутри неё поднималась новая волна эмоций. Она знала, что один из них лжёт. Один из них убил Илью. И она должна была найти его.

— Мы найдём его, — сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы найдём убийцу. И мы сделаем это вместе.

Она сжала кулаки и посмотрела в темноту. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут испытания, ловушки, открытия, которые изменят всё. Но она знала, что должна найти правду. И она найдёт её, даже если это будет последним, что она сделает в своей жизни.

— Мы готовы, — сказала она громко, в пустоту.

И в ответ на её слова где-то в темноте снова раздался смех. Тихий, зловещий, как будто Крестовский стоял прямо за ними, касаясь их плеч невидимыми руками.

— Игра началась, — прошептал голос.

И спектакль продолжался.

Глава 15. Декорация: Дом-Лабиринт

Часть I. Анатомия поиска (Стратегия)

Серый, больничный свет, пробивающийся сквозь едва заметные щели между тяжелыми ставнями и массивными рамами окон, не приносил с собой ни надежды, ни тепла. Он был мертвенным, химически-стерильным, как и всё в этом доме. Он выхватывал из полумрака библиотеки очертания книжных шкафов, пыльный ковер, и застывшее, накрытое плащом тело, которое уже начало казаться частью декораций — еще одним экспонатом в музее Игната Крестовского.

Маргарита стояла у стола, вцепившись в его край так сильно, что побелели костяшки пальцев. Она смотрела на таймер. 47:02:11. Цифры пульсировали, словно второе сердце, отмеряя оставшееся время. Время, которое они тратили на страх, на ссоры, на беспомощное ожидание. Илья был мертв. Его убили, пока они спали, пока они были погружены в собственные кошмары.

Она перевела взгляд на Крестовского. Он сидел в своем кресле, прикованный к нему наручниками, и его глаза, живые, злые и насмешливые, были открыты. Он не сводил с неё взгляда, как паук, наблюдающий за мухой, которая бьется в

его паутине. Он ничего не говорил, но его молчание было красноречивее любых слов. «Я здесь, — говорило оно. — Я всё контролирую. Даже прикованный, я здесь главный».

— Мы не можем больше сидеть здесь, — сказала она, и ее голос, хриплый от усталости, но твердый, как сталь, разорвал гнетущую тишину. — Мы не можем ждать, пока он снова ударит. Мы должны действовать.

Все взгляды обратились к ней. Аркадий, сидевший на полу с пустой фляжкой в руках, поднял на нее мутные, воспаленные глаза. Елена, сжавшаяся в углу, вздрогнула. Софья оторвалась от своего блокнота, и в ее холодных глазах мелькнула искра интереса. Виктор, стоявший у стеллажа, медленно обернулся.

— И что ты предлагаешь, Маргарита? — спросил Аркадий, и его голос был полон горечи. — Мы уже обыскали эту комнату до каждого сантиметра. Мы нашли его дневник, мы нашли яд, мы знаем, что убийца среди нас. Что еще мы можем сделать?

— Мы можем найти его, — ответила Маргарита, встречаясь с ним взглядом. — Мы не можем сидеть в этой клетке и ждать, когда нас перебьют по одному. Мы должны искать выход. Не из дома — из этой игры. Мы должны найти убий-

цу. И для этого нам нужно покинуть эту комнату.

— Покинуть? — Елена подняла голову, и в ее голосе слышался испуг. — Но дверь заперта!

— Дверь заперта, — согласилась Маргарита. — Но тайный проход за книжным шкафом открыт. Помните? Мы спустились в подвал. Мы нашли распределительный щит. Наверняка там есть другие проходы, другие комнаты, другие коридоры. Крестовский построил этот дом как лабиринт. Мы должны исследовать его, если хотим выжить.

Софья медленно закрыла свой блокнот. Ее движение было выверенным, почти театральным.

— Это имеет смысл, — сказала она. — Убийца не мог спланировать всё в этой комнате. Ему нужно было оружие, ему нужно было время и место, чтобы незаметно подсыпать яд. Он использовал не только этот кабинет. Он использовал весь дом. И следы, скорее всего, там, снаружи.

— Или он просто спрятал всё в своём кармане, — пробурчал Аркадий, но в его голосе не было прежней уверенности.

— Тогда мы найдем это в его кармане, — холодно парировала Софья.

Маргарита перевела взгляд на Виктора. Он единственный не выразил ни одобрения, ни протеста. Он смотрел на нее с легким наклоном головы, словно оценивая ее стратегию, как оценивают чертеж.

— Виктор? — спросила она.

— Я думаю, ты права, — сказал он после паузы. — Но мы не можем идти по одному. И мы не можем идти все вместе. Нам нужно разделиться.

— Разделиться? — Елена вскочила на ноги, и ее лицо побледнело еще больше. — Мы не можем разделиться! Убийца среди нас! Если мы разделимся, он сможет... он сможет...

— ...убить нас поодиночке, — закончил за нее Аркадий с горькой усмешкой. — Он прав, Маргарита. Разделиться — это самоубийство.

— Разделиться на пары, — спокойно сказала Маргарита, стараясь, чтобы ее голос звучал уверенно. — Чтобы никто не оставался один. И у каждого будет свидетель. Мы будем знать, где кто находится и что делает. Это единственный способ осмотреть весь дом быстро и безопасно.

Софья согласно кивнула. Виктор тоже.

— Я с тобой, — сказал он, и Маргарита почувствовала неожиданную благодарность за его поддержку.

— Тогда так, — сказала она, беря на себя инициативу, пока остальные не начали спорить. — Виктор и я возьмем подвал. Мы уже там были, я знаю этот путь. Софья, ты и Аркадий — проверьте кабинет Крестовского на втором этаже. Это самое логичное место для тайников. Елена...

Она посмотрела на дрожащую женщину, которая все еще не отошла от стены. Ее лицо было серым, словно пепел.

— Елена, ты пойдешь с нами, — сказала она мягко, но настойчиво. — Ты не будешь одна.

Елена судорожно кивнула.

— А если мы найдем убийцу? — спросил Аркадий, и его голос прозвучал напряженно. — Что мы будем делать? У нас нет оружия.

— Оружие у нас есть, — сказала Софья, поднимая с пола тяжелый бронзовый канделябр, который Илья чуть не использовал против Виктора в прошлой ссоре. Она взвесила

его в руке, словно оценивая удобство. — Импровизация — это основа выживания.

Маргарита подошла к книжному шкафу, за которым скрывался тайный проход. Она коснулась пальцами корешка книги-рычага, и с легким скрипом стена начала поворачиваться, открывая узкую лестницу, уходящую в темноту.

— Мы встретимся здесь, в библиотеке, через два часа, — сказала она. — Если кто-то не вернется к этому времени... — она запнулась, не в силах произнести страшные слова вслух.

— ...мы будем знать, что убийца нанес еще один удар, — закончил за нее Виктор, и его голос был мрачным.

Первой в проход шагнула Маргарита, сжимая в руке фонарик Виктора. За ней, неохотно, но покорно, двинулась Елена. Виктор замыкал шествие, бросив на остальных короткий, оценивающий взгляд. Софья и Аркадий остались в библиотеке. Они смотрели друг на друга с холодной настороженностью, и, когда за ними закрылась потайная дверь, Аркадий тихо выругался.

— Я не хочу идти с тобой, — сказал он Софье.

— Взаимно, — ответила она, беря в руки второй канделябр, который нашелся на каминной полке. — Но если я захочу тебя убить, Аркадий, я сделаю это тихо и чисто. Я не буду марать руки в подвале, где полно свидетелей. Идем.

И они вышли в коридор, освещенный красным, пульсирующим светом аварийных ламп.

Подвал встретил Маргариту, Виктора и Елену тем же запахом сырости, мазута и застоявшегося времени. Елена шла последней, то и дело оглядываясь через плечо, словно ожидая, что из темноты за спиной вынырнет фигура убийцы. Ее дыхание было неровным, сбивчивым.

— Ты в порядке? — спросила Маргарита, когда они достигли первой площадки.

— Нет, — честно ответила Елена. — Я не в порядке. Я в доме, где меня могут убить в любой момент. Я с людьми, которые могут быть убийцами. Я не в порядке.

— Это пройдет, — тихо сказал Виктор. — Страх — это просто химия. Он пройдет, когда мы начнем действовать.

— Ты так уверен? — спросила Елена, и ее голос дрогнул.

— Нет, — честно ответил он. — Но это единственное, что у нас есть.

Они спустились вниз, в ту самую техническую комнату, где уже были в прошлый раз. Распределительный щит так же пылился в углу, трубы так же тянулись вдоль потолка, и вентиляционная решетка была так же крепко вмурована в стену.

— Мы должны найти другое помещение, — сказала Маргарита, оглядываясь. — Наверняка здесь есть другие двери, другие комнаты.

Они начали осмотр. Виктор методично простукивал стены, прислушиваясь к звуку. Елена стояла у входа, не решаясь идти дальше. Маргарита обследовала дальний угол, где за ржавыми трубами угадывался еще один коридор.

— Здесь что-то есть, — сказала она, подходя ближе. — Смотрите.

Она провела рукой по стене, и под слоем грязи и пыли проступила старая, облупившаяся краска. Это была дверь. Небольшая, низкая, почти незаметная, как люк, ведущий в трюм.

— Она заперта? — спросил Виктор, подходя ближе.

Маргарита толкнула дверь, и та с противным, визгливым скрипом поддалась. Она открывалась внутрь, в небольшую, тесную комнату, заставленную старыми чемоданами, коробками и театральным реквизитом, забытым здесь, как ненужный хлам.

— Похоже на старую кладовую, — сказал Виктор, заглядывая через плечо Маргариты. — Еще одна декорация.

Они вошли внутрь. Воздух здесь был еще более спертым и тяжелым. Пахло пылью, старым деревом и еще чем-то — сладковатым, тошнотворным запахом, который Маргарита не могла узнать.

— Что это за запах? — спросила Елена, стоя на пороге и не решаясь переступить его.

— Это старые ткани, — сказал Виктор. — Или что-то, что гниет. Не обращай внимания.

Но Маргарита уже поняла: этот запах был похож на тот, что исходил от тела Ильи. Только слабее, разбавленный пылью. Она сглотнула и отошла вглубь комнаты, зажигая фонарик.

В свете узкого луча появились очертания предметов. Старые, пыльные портреты в тяжелых рамах, с которых смотрели люди в театральных костюмах. Груда свернутых ковров. Несколько стульев с обломанными ножками.

И в центре комнаты, на старом, расшатанном столе, лежал костюм. Полный, мужской костюм — черный сюртук, белая рубашка, даже галстук. Он был аккуратно разложен, словно его приготовили для кого-то.

— Смотрите, — сказал Виктор, подходя ближе. — Кто-то приготовил это. Заранее.

Елена сдавленно вскрикнула.

— Это его? — прошептала она, указывая дрожащей рукой на костюм. — Это костюм Крестовского? Он собирался... он собирался надеть его?

— Или кто-то собирался надеть его, — мрачно сказал Виктор. — Чтобы выдать себя за него.

Они переглянулись. Холод пробежал по спинам всех троих.

— Это не просто музей, — сказала Маргарита. — Это театральная мастерская. Он готовил свой финальный спектакль. И мы... мы все в нем — актеры.

Часть II. Вторжение в комнаты (Пустота и улики)

Тем временем, Софья и Аркадий, вооруженные канделябрами, поднимались по широкой, дубовой лестнице на второй этаж. Аркадий тяжело дышал, каждый шаг давался ему с трудом. Он чувствовал, как остатки алкоголя в крови борются с адреналином, создавая в голове мутную, звенящую пустоту.

— Ты уверена, что мы идем правильным путем? — спросил он, останавливаясь на площадке, чтобы перевести дух.

— Я всегда уверена в своем пути, — холодно ответила Софья, не оборачиваясь. — Если ты боишься, можешь вернуться.

— Я не боюсь, — огрызнулся он. — Просто... я не доверяю тебе.

— Взаимно, — повторила она свою любимую фразу.

Они вошли в кабинет Крестовского. Здесь, как и в биб-

лиотеке, царил идеальный, но мертвый порядок. Книги стояли на полках ровными рядами. Бумаги были аккуратно сложены на столе. Словно хозяин должен был войти с минуты на минуту и продолжить работу.

— Он жил здесь, — сказала Софья, оглядывая комнату.
— Эта комната — его храм.

— Или его тюрьма, — проворчал Аркадий. — Смотря, с какой стороны посмотреть.

Софья подошла к столу, провела пальцем по его поверхности, оставляя четкую полосу в слое пыли.

— Он не просто жил здесь, — сказала она, нахмурившись. — Он ждал. Посмотри, пыль. Кто-то недавно передвигал здесь вещи.

Она подошла к портрету, висевшему над столом, и отодвинула его в сторону. За ним был встроенный в стену небольшой сейф. Софья попыталась открыть его — он был заперт, но на двери виднелись свежие царапины.

— Кто-то пытался вскрыть его, — сказала она. — Недавно.

— Или Крестовский сам открыл его, чтобы спрятать яд,
— предположил Аркадий.

— Или убийца, — закончила Софья.

Она обошла стол и начала проверять ящики. В одном из них, нижнем, она нашла пустой конверт. Он был из той же плотной, кремовой бумаги, что и приглашения. Но на нем не было имени. Просто надпись, сделанная тем же каллиграфическим почерком: «ДЛЯ УБИЙЦЫ».

— Посмотри на это, — сказала она, протягивая конверт Аркадию.

Он взял его дрожащими руками. На ощупь бумага была холодной, тяжелой.

— Что это значит? — спросил он, и его голос дрогнул.

— Это значит, что Крестовский знал, что кто-то из нас убьет. Он оставил это для него. Или для неё.

— Или он просто хотел, чтобы мы думали, что знает, — возразил Аркадий, но его голос был неуверенным. — Это же он. Он всегда всё усложнял.

— Может быть, — согласилась Софья. — Но это не меняет того факта, что кто-то в этой комнате, — она медленно обвела взглядом кабинет, — мог быть убийцей, и Крестовский знал об этом.

Они продолжили осмотр, но больше ничего не нашли. Только пустые ящики, старые счета и забытые письма. Софья, казалось, была разочарована. Аркадий, напротив, почувствовал странное облегчение.

— Давай проверим спальню, — сказала она, выходя из кабинета.

— Спальню? — переспросил он. — Это личное пространство.

— Именно, — сказала она. — Там он хранит свои настоящие секреты. Не те, что для спектаклей, а те, что для себя.

Спальня Крестовского была огромной, но почти пустой. Огромная кровать под балдахином, словно сцена, возвышалась в центре. На стенах висели те же маски — комедия и трагедия, но здесь они были темнее, более зловещими. Тени от аварийного света плясали на них, создавая иллюзию живых лиц.

Аркадий подошел к туалетному столику и остановился. На нем стояла фотография в рамке. Она была перевернута. Он поднял ее и перевернул. На фотографии была молодая женщина с длинными темными волосами, которая улыбалась в объектив. Аркадий узнал её — это была актриса, которая когда-то играла в театре Крестовского. Он вспомнил, что она умерла много лет назад. Говорили, что она покончила с собой.

— Смотри, — сказал он, протягивая фотографию Софье.

Она взяла ее, и ее лицо стало еще более напряженным.

— Это его дочь, — сказала она. — Вернее, его приемная дочь. Он удочерил ее, когда она была еще ребенком. Она умерла в возрасте двадцати лет. С тех пор он держит эту фотографию везде.

— Зачем ему фотография мертвой девушки? — спросил Аркадий, и его голос дрогнул.

— Возможно, он хранит тайну, — сказала Софья, возвращая фотографию обратно на стол, лицом вниз. — Тайну, которую он не хочет, чтобы мы узнали.

Она отошла от стола и начала осматривать шкаф. Он был

огромным, с резными дверцами. За ними висели десятки одинаковых черных костюмов — словно он готовился к бесконечному спектаклю.

— Его гардероб — это тоже декорация, — сказала Софья.
— Он создавал себя, как персонажа.

— Или как маску, — добавил Аркадий. — Он всегда носил маску.

В этот момент за дверью спальни послышался звук. Тихий, почти незаметный — скрип половицы. Аркадий замер, поднимая канделябр. Софья тоже застыла.

— Ты слышал? — прошептал он.

— Слышала, — ответила она, и ее голос был спокойным, но в нем звучала сталь. — Кто-то идет.

Они прижались к стене, ожидая, когда дверь откроется. Но дверь осталась закрытой. Секунды тянулись, как часы. Тишина.

Затем звук повторился. Теперь он был отчетливее — ша-ги. Тихие, крадущиеся шаги, которые приближались к двери спальни.

Аркадий сжал канделябр так сильно, что побелели костяшки пальцев. Он чувствовал, как пот катится по его спине. Софья стояла неподвижно, сжимая в руке свой канделябр, и ее глаза сверкали холодным огнем в полумраке.

Шаги остановились прямо за дверью.

— Кто здесь? — крикнул Аркадий, стараясь, чтобы его голос звучал грозно. — Выйди!

Тишина. Только гул аварийного света в коридоре.

Затем раздался звук — тихий, зловеющий смех. Он был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. Этот смех Маргарита слышала раньше — в динамиках, в подвале, в библиотеке. Это был смех Крестовского.

Софья рванула к двери, распахнула ее. Коридор был пуст. Только красный свет аварийных ламп струился по пустым стенам. Никого. Только эхо их собственного дыхания и бешено бьющегося сердца.

— Это была запись? — спросил Аркадий, выходя вслед за ней.

— Нет, — ответила Софья, и ее голос был ледяным. — Кто-то был здесь. Кто-то из нас.

Они переглянулись. Холод пробежал по их спинам. Кто-то из них — убийца — бродил по этому дому.

— Мы должны найти остальных, — сказала Софья. — Сейчас.

Часть III. Стадия паранойи (Сбор в холле)

Когда все четверо собрались в просторном, темном холле первого этажа, напряжение было почти физически осязаемым. Казалось, воздух вокруг них сгустился, превратившись в липкую, тяжелую субстанцию, которая мешала дышать. Они стояли в кругу, словно актеры на сцене перед пустым залом, но вместо зрителей на них смотрели маски комедии и трагедии со стен. И одна из этих масок, казалось, принадлежала убийце.

Аркадий, все еще сжимая в руке тяжелый канделябр, был бледен, как полотно. Его глаза лихорадочно бегали по лицам остальных, словно он искал подтверждение своим худшим подозрениям. Он выглядел загнанным зверем, готовым к нападению.

— Кто из вас это сделал? — выкрикнул он, и его голос сорвался на истерический фальцет, разнесясь эхом по высоким сводам холла. — Кто ходил по дому? Кто смеялся? Кто пытался нас напугать?

— Смех? — переспросила Маргарита, нахмурившись. — Какой смех?

— Мы слышали его в спальне Крестовского, — сказала Софья, и ее голос, в отличие от голоса Аркадия, был спокоен и холоден. — За дверью. Кто-то смеялся. А когда мы открыли дверь — никого не было.

— Это был не я, — тут же сказала Елена, делая шаг назад. — Я была с ними, в подвале. Мы нашли старую кладовку.

— Мы тоже нашли кое-что, — сказал Виктор, отвлекая внимание от Елены. — Костюм. Он был разложен на столе, как будто его приготовили для кого-то. Это был костюм Крестовского.

— Или его двойника, — добавила Маргарита. — В этом доме всё готовят для спектакля. Даже смерть.

Аркадий перевел взгляд с Виктора на Маргариту. Его глаза сузились.

— Костюм, да? — сказал он с подозрением. — А вы, случайно, не нашли там яд? Или еще что-нибудь, что могло бы нас убить?

— Мы нашли только старые вещи, — ответила Маргарита, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно. — Ничего подозрительного.

— Или вы просто не хотите говорить, что нашли, — бросил Аркадий, и в его голосе послышалась сталь. — Я знаю, Маргарита. Я знаю, что ты что-то скрываешь.

— Я ничего не скрываю! — воскликнула она, но ее голос дрогнул.

— Тогда что вы делали в подвале целый час? — спросил он. — Что вы там искали на самом деле?

— Мы искали выход! — ответила Елена, вмешиваясь в разговор. — Мы искали способ выбраться из этого проклятого дома!

— Или вы искали способ уничтожить улики, — сказал Аркадий, и его голос стал тише, но от этого не менее угрожающим. — Я вижу, как вы смотрите друг на друга. Вы уже до-

говорились, правда? Вы уже решили, кто будет следующим.

— Хватит! — крикнула Софья, и ее голос прозвучал как удар хлыста. — Ты истеришь, Аркадий. Ты сам себя пугаешь. Если ты продолжишь в том же духе, ты станешь легкой мишенью для убийцы.

— Или ты хочешь, чтобы я стал мишенью? — парировал он, поворачиваясь к ней. — Ты же всегда хотела избавиться от меня. Ты ненавидела мою игру, ты говорила, что я бездарен. Может быть, ты решила избавиться от меня по-настоящему?

— Если бы я хотела тебя убить, — ледяным голосом сказала Софья, — ты был бы уже мертв. Я бы нашла способ сделать это чисто и без свидетелей. А ты сидишь здесь, пьяный и параноидальный, и только привлекаешь к себе внимание.

На мгновение в холле повисла звенящая тишина. Все смотрели друг на друга, и в их взглядах не было ничего, кроме страха и подозрения. Каждый из них видел в другом потенциального убийцу.

— Нам нужно принять факт, — сказал Виктор, нарушая молчание. — Убийца среди нас. И он или она сейчас здесь, в этой комнате. Мы не знаем, кто это, но мы знаем, что он или

она слышит каждое наше слово. Мы не должны показывать, что мы боимся.

— Слишком поздно, — сказал Аркадий, усмехаясь. — Мы все уже боимся. Мы боимся друг друга. И это именно то, чего он хотел.

— Или она, — добавила Елена, и в ее голосе послышалась истерика. — Это может быть женщина. Мы все можем быть убийцами.

Она оглядела всех с ужасом, и ее взгляд задержался на Маргарите.

— Ты, — сказала она, указывая на нее дрожащей рукой. — Ты нашла яд. Ты была первой. Может быть, ты и спрятала его?

— Я не прятала яд, — сказала Маргарита, и ее голос был твердым, как сталь. — Я нашла его, чтобы помочь нам.

— Или чтобы отвести подозрения от себя, — сказал Аркадий, снова вступая в разговор. — Это классическая тактика. Найти улику и предъявить её, чтобы казаться невиновным.

— Тогда кто из нас невиновен? — спросил Виктор, оглядывая всех. — Кто из нас выглядит невиновным? Я? Софья? Елена? Все мы выглядим подозрительно. Все мы ненавидели Крестовского. У всех нас был мотив.

Он замолчал, и в его глазах появилось странное выражение.

— Возможно, убийца — это тот, кто меньше всего похож на убийцу, — сказал он. — Тот, кто всегда был на виду. Тот, кто казался самым слабым и беззащитным.

Он посмотрел на Елену. Она вздрогнула, как от удара.

— Нет, — прошептала она. — Нет, не я. Я не убивала его.

— А кто сказал, что я говорю о тебе? — спросил Виктор, и его голос был мягким, но в нем звучала сталь. — Я говорю о любом из нас. Убийца может быть тем, кто играет роль лучше других.

— Давайте прекратим это, — сказала Маргарита, чувствуя, как ситуация выходит из-под контроля. — Мы не найдем убийцу, обвиняя друг друга. Мы должны искать доказательства.

— Какие доказательства? — спросил Аркадий, и его голос был полон горечи. — Мы уже перерыли весь дом. Мы ничего не нашли.

— Мы нашли пустой конверт в кабинете, — сказала Софья. — С надписью «ДЛЯ УБИЙЦЫ».

— Это может быть что угодно, — сказал Виктор. — Это может быть еще одна игра Крестовского.

— Или это может быть правда, — сказала Софья. — Он знал, что кто-то из нас убьет. Он хотел оставить этому человеку послание.

— И кто же это? — спросил Аркадий, обводя всех взглядом. — Кто из нас убийца?

— Мы не знаем, — сказала Маргарита. — Но мы должны найти его, прежде чем он убьет снова.

Часть IV. Снаряжение для допроса (Допрос мертвого режиссера)

Маргарита приняла решение. Единственный способ остановить этот параноидальный хаос — вернуться к источнику. Единственный человек, который знал ответы, сидел в кресле

в библиотеке, прикованный наручниками, и смотрел на них с выражением холодного, почти скучающего превосходства.

Она вошла в библиотеку, и остальные двинулись за ней. Крестовский, казалось, ждал их. Его глаза, блестящие в полумраке, были устремлены на дверь. Тень от красной лампы падала на его лицо, делая его похожим на театральную маску — неподвижную, зловещую.

— А, наконец-то вы вернулись, — сказал он, и голос его был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Я уже начал скучать. Ваше отсутствие было слишком тихим. Слишком... мирным.

Маргарита подошла к нему вплотную. Она смотрела на него, и в ней не было страха. Только холодная, тяжелая решимость.

— Ты знаешь, кто убил Илью, — сказала она. — Ты знаешь, кто среди нас убийца. Ты скажешь нам.

Крестовский усмехнулся. Его глаза блеснули в свете лампы.

— Я уже говорил тебе, Маргарита, — сказал он. — Я режиссер, а не доносчик. Если я скажу тебе, кто убийца, спек-

такль будет испорчен. Я не могу этого позволить.

— Это не спектакль! — закричала Елена, вырываясь вперед. — Это реальность! Человек мертв! Илья мертв! И если ты не скажешь нам, кто его убил, ты будешь следующим!

Крестовский медленно перевел взгляд на нее. В его глазах не было страха — только насмешливое любопытство.

— О, ты угрожаешь мне, Елена? — спросил он. — Это интересно. Я всегда считал тебя самой слабой из всех. Но у тебя, оказывается, есть характер. Или это просто страх?

— Я не боюсь тебя, — сказала Елена, но ее голос дрожал.

— Боишься, — сказал он, и его голос стал мягче, почти заботливым. — Боишься, потому что знаешь, что я прав. Ты боишься, что все твои мечты были ложью. Что ты никогда не была актрисой. Что ты была просто пустым местом. Ты боишься правды.

Елена побелела, как полотно. Она сделала шаг назад, прижимая руки к груди.

— Ты лжешь, — прошептала она. — Ты всегда лжешь.

— Я никогда не лгу, — ответил Крестовский. — Я просто говорю правду в нужное время. И иногда правда бывает страшнее лжи.

Аркадий, стоявший у двери, шагнул вперед. Его лицо было перекошено от гнева.

— Мы не будем слушать твои игры, — сказал он. — Мы хотим знать, кто убил Илью.

— Хорошо, — сказал Крестовский, и его голос стал спокойнее. — Я скажу вам. Я скажу вам правду. Но вы не поверите мне.

— Почему? — спросила Софья, и в ее голосе послышалось напряжение.

— Потому что правда слишком проста, — сказал Крестовский. — Вы ждете сложного ответа. Вы ждете, что я назову имя, которое будет шокирующим. Вы ждете, что это будет кто-то, кого вы меньше всего подозреваете. Но правда — это не шокирующе. Правда — это банально. Убийца — это тот, кто боится. Тот, кто не выдержал. Тот, кто сломался.

— И кто же это? — спросила Маргарита, и ее голос был твердым, как сталь.

Крестовский посмотрел на нее, и его улыбка стала шире.

— Это не то, что я скажу, — сказал он. — Это то, что вы должны увидеть. Вы все ищете убийцу, но вы не видите главного. Убийца не убил Илью из-за ненависти. Убийца убил его, потому что боялся. Боялся, что Илья расскажет правду. Боялся, что его тайна станет явной. Убийца — это тот, кто скрывается за маской.

Он замолчал, и его взгляд задержался на Маргарите.

— Ты, — сказал он, указывая на нее. — Ты тоже носишь маску. Ты пытаешься быть лидером, но ты боишься. Ты боишься, что не справишься. Ты боишься, что все умрут из-за тебя. И ты боишься, что правда, которую ты найдешь, окажется слишком страшной.

— Это не я, — сказала Маргарита, и ее голос дрогнул.

— Я знаю, — сказал Крестовский. — Ты убила бы, если бы пришлось, но ты бы не стала убивать без причины. Ты — не убийца.

Он перевел взгляд на Софью.

— Ты, — сказал он. — Ты слишком умна, чтобы убивать. Ты предпочла бы уничтожить врага словами, а не руками. Ты — не убийца.

Он посмотрел на Виктора.

— Ты, — сказал он. — Ты слишком осторожен. Ты слишком боишься последствий. Ты — не убийца.

Он перевел взгляд на Аркадия и Елену. Те стояли неподвижно, сжавшись, словно ожидая приговора.

— Вы, — сказал он, и его голос стал тише. — Вы оба боитесь. Но один из вас боится сильнее. Один из вас готов сделать что угодно, чтобы спасти себя. И этот кто-то — убийца.

— Я не убивал его! — закричал Аркадий, и его лицо побагровело. — Ты лжешь, старый ублюдок!

— Я не говорю, что ты убил, — спокойно ответил Крестовский. — Я говорю, что ты боишься. Ты боишься, что правда будет раскрыта. Ты боишься, что все узнают, что ты не просто неудачник. Ты боишься, что ты — ничто.

Аркадий хотел что-то сказать, но не смог. Он стоял, открыв рот, и его лицо было искажено от ярости и страха.

— А ты, Елена, — сказал Крестовский, переводя взгляд на нее. — Ты тоже боишься. Ты боишься, что никто никогда не узнает, что ты была великой актрисой. Ты боишься, что ты просто исчезнешь, как тень, без следа.

Елена закрыла лицо руками и начала плакать.

— Правда в том, — сказал Крестовский, и его голос стал почти ласковым, — что каждый из вас боится. Каждый из вас готов убить, чтобы защитить себя. Но только один из вас действительно сделал это.

— Кто? — спросила Маргарита, и ее голос был напряженным. — Скажи нам.

Крестовский посмотрел на нее. Его улыбка исчезла, и лицо стало серьезным.

— Я не скажу тебе, Маргарита, — сказал он. — Потому что если я скажу тебе, ты перестанешь искать. А искать — это единственное, что может спасти тебя. Ты должна пройти через это сама.

Маргарита почувствовала, как внутри нее поднимается волна отчаяния и гнева. Она хотела ударить его, заставить

говорить, но она знала — это бесполезно. Он не скажет. Он будет молчать, пока они будут страдать.

— Тогда у тебя нет выбора, — сказала она, и ее голос стал холодным, как лед. — Мы оставим тебя здесь. Оставим одного, в темноте. Без еды. Без воды. Ты будешь сидеть здесь, прикованный к этому креслу, пока не скажешь нам правду.

Крестовский рассмеялся. Это был сухой, надтреснутый смех, который эхом разнесся по библиотеке.

— Ты угрожаешь мне? — спросил он. — Ты думаешь, что я боюсь смерти? Я смотрел ей в глаза каждый день последние двадцать лет. Она была моей музой, моим другом, моим врагом. Я не боюсь её. Я приветствую её.

— Тогда ты умрешь здесь, — сказала Маргарита.

— Возможно, — сказал Крестовский. — Но если я умру, вы никогда не узнаете правду. И вы все умрете, так и не поняв, зачем вы здесь.

Он снова замолчал, и его глаза блеснули в полумраке.

— Ты думаешь, что я держу тебя здесь, Маргарита, — сказал он. — Но ты ошибаешься. Ты держишь себя здесь. Ты

и твой страх. Ты и твоя гордость. Ты и твоя ненависть. Ты не можешь выбраться, потому что ты не хочешь выбраться. Ты хочешь, чтобы этот спектакль закончился, и ты хочешь знать, кто твой враг. Но ты не готова к ответу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.